Религиоведение. 2019. № 3
Religiovedenie [Study of Religion]. 2019. No. 3

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.3.5-20

Лушников А.А.

Пензенский государственный университет
440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40
lushnikov1@mail.ru

Происхождение термина «восточнославянское язычество» в отечественной научной литературе: «языческое прошлое» и историческая память

Аннотация. Статья посвящена генезису термина «восточнославянское язычество» в трудах отечественных историков XVIII–XIX вв. Определяются источники, на основе которых формировалась соответствующая терминология, раскрывается её методологический и идеологический смысл. Автор проводит сравнительный анализ понятий, употребляемых в древнерусских антиязыческих текстах и первых российских научных трудах по истории и мифологии. Первые содержали самый разный набор обозначений, однако в большинстве своём о «язычестве» как явлении в них не упоминалось (слово это не использовалось вовсе), а «язычники» рассматривались как определённая социально-религиозная группа, которая наделялась разными характеристиками в зависимости от контекста. Осознание же «язычества» как явления происходит позже – с появлением научных трудов по истории и мифологии. Сам этот термин в отечественной литературе впервые обнаруживается в лексиконах Э. Вейсмана и И.К. Аделунга, где используется для обозначения латинского «gentile» и немецкого «heidentum», а также в «Истории Российской» В.Н. Татищева, при этом в числе основных источников для формирования понятия «язычество» был труд Трогилла Арнкиэла «Языческая религия кимбров». Тем не менее, данный термин не сразу стал определяющим, так как ряд авторов в начале XIX в. предпочли ему «баснословие». Стабильные позиции в научной литературе понятие «язычество» заняло с выходом фундаментального труда Н.М. Карамзина. Такая история термина говорит не только о его принципиальной сложности и неоднозначности, но и о том, что традиционное видение язычества только в контексте церковной обличительной литературой достаточно односторонне и спорно.

Ключевые слова: язычество, язычник, Древняя Русь, миф, мифология, литература

Alexander A. Lushnikov

Penza State University
40 Krasnaya str., Penza, Russia, 440026
lushnikov1@mail.ru

The Origin of the Term “the Paganism of the Eastern Slavs” in the Russian Scientific Literature: the “Pagan Past” and Historical Memory

Abstract. The article deals with the genesis of the definition “the paganism of the Eastern Slavs” in the works of Russian historians in the 18th–19th centuries. The author determines the sources of that terminology and considers its methodological and ideological sense. He compares the definitions of Old Russian anti-pagan texts and first Russian scientific works on history and mythology. The medieval literature contained a lot of concepts, but one can’t find their any mention about “paganism” as phenomenon as well as the word “paganism”. Old Russian authors mostly wrote about “pagan people” as social and religious group and gave them the concrete features depending of the context. The awareness with “paganism” as a phenomenon should relate to the scientific works on history and mythology. This definition firstly appeared in the lexicons of E. Veisman and I.K. Adelung with their Russian translation of the Latin “gentile” and German “heidentum”. Also one can find it in the “Russian history” of V.N. Tatishchev who used “Cimbrische Heyden Religion” written by Arnkiel Trogiilius as one of the important source. However, it took a while to make this definition to become central in the scientific literature. At the beginning of the 19th century, a lot of authors preferred to use the word “basnoslovie”. The definition “paganism” became fundamental with the issue of the great work N.M. Karamsin after all. Such history of this word reveals not only its complexity and ambiguity but the argumentativeness of the traditional view of “paganism” as a product of the church literature only.

Key words: paganism, pagan, Old Russia, myth, mythology, literature

Популярность термина не могла не вызвать интереса к вопросу о его происхождении, хотя едва ли справедливо утверждение, что он постоянно был в круге внимания исследователей того же «язычества». Как правило, подчёркивался полисемантический характер термина, описывающий самые разнообразные явления религиозной и культурной жизни. Так, уже для Е.В. Аничкова «язычество» являлось «пёстрой системой верований, обрядов, культов и преданий» [Аничков, 2009, 13], ещё более обобщающий характер оно носит в понимании Б.А. Рыбакова, который определяет его как «огромный комплекс первобытных верований, воззрений и обрядов, складывающихся на протяжении тысячелетий» [Рыбаков, 1994, 3].

В отечественной научной литературе данный термин являлся и является достаточно популярным, хотя в конце XIX в. наметилась тенденция использовать альтернативные понятия – «религия славян» и «мифологический материал» у В.Й. Мансикки [Мансикка, 2005, 57], «религиозные древности» у Е.В. Аничкова [Аничков, 2009, 13], хотя авторы наряду с ними активно использовали и слово «язычество». Впоследствии С.А. Токарев прямо и негативно отзывался об использовании обозначения «языческие религии», утверждая, что ему место «в церковно-миссионерской литературе, а никак не в научной» [Токарев, 1990, 24], и вместо него использовал понятие «племенные культы». Подобных альтернативных терминов было предложено достаточно много, среди них – «народная религия» у Т.А. Бернштам [Бернштам, 1989, 91–100], «религиозная система» в рамках славянских языковых моделирующих семиотических систем у В.В. Иванова и В.Н. Топорова [Иванов, Топоров, 1965; Иванов, 2007, 395–405]; стоит учитывать наличие и таких терминов, как «этническая религия» [Hinnells, 2005, 439] и «коренная религия» [Cox, 2007, 9–31].

6

антитеза христианству» [Забияко, 2005, 113], так как вне этого противопоставления определение не будет иметь смысла.

Данный вопрос подробно рассмотрел А.К. Салмин, выделивший достаточно большое количество дефиниций как в отечественных, так и зарубежных трудах – только в англоязычной науке их 16. Что касается понятий, используемых в русскоязычной литературе, то он справедливо оценивает этот диапазон как «широкий» и «неконкретный». Наиболее удачным с точки зрения исследователя является термин «фольк-религия» («сумма религиозных верований и практик на популярном уровне, в широком смысле выражающая глубокую религиозность и естественно существующая у большинства людей»). Учёный касается и происхождения термина, и здесь он согласен с критикой в адрес данной дефиниции С.А. Токарева. По А.К. Салмину, термин «*paganismus*» («язычество») «использовался первыми христианами, чтобы описать старый, бесхитростный труд сельских людей, продолжавших поклоняться римским богам после того, как христианство было объявлено официальной религией Римской империей в 415 г.». Исследователь также отмечает, что «термины “язычество” и “язычник” стали активно использоваться в миссионерской литературе» [Салмин, 2008, 93–98].

Термин «славянское язычество» специально рассматривался И.А. Севастьяновым. Отмечая крайнюю неопределённость понятия, он указывает, что под «язычеством» могут пониматься «не только религиозные представления дохристианских славян, но и вся совокупность их дохристианского бытия», однако видит в нём негативный смысл, исходящий из древнерусской церковной литературы, поэтому предлагает иной термин, ещё более неопределённый – «древняя славянская культура». Вместе с тем И.А. Севастьянов указывает на любопытный факт – в древних славянских текстах нет понятия «язычество», появилось оно значительно позже [Севастьянов, 2008, 65–71].

Отметим, что терминология, в которой акцент делается на формирование этнической идентичности у носителей данных верований, в целом представляется нам более точной и конкретной, исключая излишне обобщающие термины («религиозные древности» и тому подобное), делающие объект исследования непонятным и расплывчатым.

В рамках данной статьи, однако, мы не преследуем цели дать альтернативное определение «язычеству» или обосновать адекватность какого-либо термина, в центре нашего внимания – «славянское язычество» в рамках исторической памяти и исторической мифологии как отображение существенных характеристик прошлого – «веры и культуры» предков. Так, набор понятий, определяющий славянские верования («славянское язычество», «религиозные древности», «религия славян») – имеет едва ли не обязательную привязку ко времени, фактически обозначая своеобразный этап в истории – «языческое прошлое», которое в отношении древней Руси связано с дохристианскими верованиями восточных славян и с разной степенью проявляющейся в форме рудиментов в отношении последующей истории. Подобное темпоральное измерение является определяющим в восприятии восточнославянских нехристианских и ахристианских верований в современном российском обществе: «язычество» – это, прежде всего, «история», «наследие предков», «традиционная культура», что предопределяет популярность реконструкторской деятельности.

Вопросу о репрезентации исторического прошлого в формате «восточнославянского язычества» и «неязычества» посвящено значительное количество литературы, однако малоисследованной остаётся проблема восприятия «славянского язычества» как «религии предков», а также «языческого прошлого» как отдельного этапа в истории. Полагаем, что исследование генезиса данных понятий позволит сделать наше понимание смысла «язычества» более полным и конкретным. Кроме того, хотя само происхождение данного термина связано с текстами самого разного типа и места происхождения, в рамках данной статьи мы ограничимся анализом отечественной научной литературы XVIII–XIX вв. (как первого опыта исследования религии восточных славян) и её источников, при необходимости – и ряда древнерусских сочинений.

Данная проблема актуальна и в связи с тем, что конкретно слово «язычество», как уже отмечалось, не было известно древнерусским книжникам – его мы

впервые находим только в словаре Э. Вейсмана, содержащего перевод соответствующих немецких и латинских слов [Вейсман, 1731, 251]. Судя по произведениям корпуса антиязыческой дидактической литературы XI–XVII вв. (по Паисиевскому [ОР РНБ, ф. 351, № 4/1081. Л. 21–68], Софийскому [ОР РНБ, ф. 728, № 1285. Л. 33об, 84об – 91, 95об – 100], Трифоновскому сборнику [ОР РНБ, ф. 728, № 1262. Л. 86–88] XIV–XV вв. и Повести временных лет [Полное собрание, 1926–1928, 24–64], книжники пользовались чаще всего двумя обобщающими понятиями – это «языци» и, чаще, «поганые», откуда обычно исследователями и выводится происхождение слова «язычество». Однако они обозначали определённые группы людей с присущими им чертами, но не какую-либо отдельную религию.

Интересно, что в рассмотренных нами источниках встречается и наименование «поганьство», употребляемое в различных смыслах [Срезневский, 1902, 1013]. В первом случае оно означало некое религиозное «состояние», заключающееся в ложной вере и обрядах «поганых», что возвращает нас к термину «язычество», хотя таких случаев нами обнаружено немного. Так, в Галицко-Волынской летописи (XIII в.) подобным образом описывается языческая Литва: «И богом свои жряше и мёртвых тела сожигаше и поганьство своё яве творяше» [Галицко-Волынская летопись, 2005, 123]. В этом же смысле оно используется в более позднем Чудовском списке «Слова Григория об идолах» (XVI в.) где говорится, что «поганые» обычаи творят не только сами поганые, но и христиане: «не токмо же то в поганьстве творяхоу, но и мнози ныне то творят крестьяне ся нарицающе» [ГИМ, Чуд. 270. Л. 221].

Во втором случае «поганьство» – характеристика, относящаяся не только к религиозной, но и социально-политической и этнической сфере, оно означает иноземный нехристианский народ, а также нахождение в плену и холопстве у этого народа. Так, в «Слове святого Кирила, в 1-ю неделю поста, поучение на сбор», посвящённом пользе поста как очищения от греха и увещанию в совершении милостивых дел (особенно к «единоверникам»), читаем о том, что в «поганьство» можно было «вогнать» (то есть, конечно, не «сделать поганым», но продать в холопство нехристианам): «Вижу бо многи бьюща дружину свою из беззаконных накладов, дондеже продаются поганым. Окаянне кого еси вогнал в поганьство, мала ради прибытка. Такого же человека, паче же христианина» [НИОР РГБ, ф. 304, оп. 1, № 9. Л. 142об]. В схожем значении «поганьство» предстаёт в Послании митрополита Ионы вятским воеводам и всем жителям 1452 г., где он убеждает их покориться великому князю, прекратить разбои и вернуть пленников. В числе «богомерзких дел» населения Вятской земли упоминается следующее: «а полону есте взяли более боле полуторы тысячи душ... иных в поганьство продаёте и в дары даёте» [Древние акты, 1881, 9].

Также «поганьством» называются опасные «языческие народы» в источниках по внешним сношениям государств. В «Посольских речах Литовского великого князя Александра Московскому великому князю Иоанну Васильевичу» 1497 г., в которых содержалась просьба о войске для отражения натиска татар, последние описываются так: «иж поганьство мощно ся збирають и хотять землям нашим шкоды чинить» [Акты, 1846, 174]. Аналогичным образом турецких захватчиков в своей грамоте великому князю Ивану III называл молдавский господарь Стефан III (1484 г.): «А в сей стороне один яз сам остал, и то от двою сторон поганьство тяжкое, а от трёх сторон рекучи христиане, але мне суть пущи поганьства» [Исторические связи, 1965, 61].

Учитывая некоторое сходство между словами «язычество» и «поганьство», можно задаться вопросом – могло ли второе слово стать источником для образования первого или хотя бы иметь с ним косвенную связь, в частности, в упоминавшемся словаре Э. Вейсмана в XVIII в.? Автор последнего стремился дать перевод латинского «gentile» и немецкого «heidentum», ассоциировавшихся с «народной», «племенной верой»¹ и, вероятно, зная церковнославянские слова «языки», «язычницы», но едва ли владея каким-либо фундированным материалом, передал соответствующие понятия через слово «язычество», обозначающее религиозное явление. В немецко-русском лексиконе И.К. Аделунга «heidentum» переводится как «язычество», «поганство», а «heidnisch» – «языческий» [Аделунг, 1798, 783–784]. В данном случае автор всё же знает о термине «поганство», хотя «язычество»

остаётся на первом месте – «поганство», очевидно, не имело для него такой «народной» коннотации.

Интересно при этом, что сама «языческая» тематика встречается уже в сочинениях идеологов абсолютизма начала XVIII в. Так, Феофан Прокопович в трагикомедии «Владимир», разыгранной в 1705 г. в Киеве, последовательно проводит мысль о том, что вера в идолов – дело невежественной старины, сокрушённое Владимиром-реформатором [Прокопович, 1961, 147–209]. Понятно, что здесь сюжет ассоциируется с деятельностью Петра I, а «языческое прошлое» становится инструментом политической идеологии; при этом такое «язычество» мыслилось в духе классицизма – как прошлое, обращённое в античность – автор не опасался вводить в круг действующих лиц богов и поклоняющимся им жрецов, а также наделять их речами, что не было характерно для писателей предшествующего времени. Конечно, слово «язычество» в пьесе не упоминалось – однако само обращение к данной тематике в идеологическом русле весьма примечательно.

Одним из самых первых трудов по истории России, где используется интересующий нас термин, является «История Российская с самых древнейших времён» В.Н. Татищева, однако здесь мы его встречаем только единожды – на полях в подзаголовке «разность язычества» [Татищев, 1768, 10]. Глава, где он находится, называется «О идолослужении бывшем», причём в основном тексте вместо «язычества» говорится о «идолопоклонении», «болванохвальстве», которое отличается многообразием у народов мира: «у разных народов в числе богов, званиях, изображениях, и им служениях великое разнство было» [Татищев, 1768, 10]. Далее В.Н. Татищев пишет о сущности «идолослужения» как «бедном состоянии души» [Татищев, 1768, 11], кратко обозначивает основные «точки зрения» о его происхождении, разъясняет понятие «многобожие», в число адептов которого включает даже «безбожников» и «атеистов», определяет суть «суеверства», раскрывает «виды» идолослужения (грубое, скрытое, лёгкое), пишет о «русском идолослужении» [Татищев, 1768, 11–20]. Таким образом, несмотря на устремление автора объяснить описываемые термины, слово «язычество» как обозначение типа религии нигде далее по тексту не употребляется².

Откуда появилось такое несовпадение? Почему В.Н. Татищев последовательно раскрывает один термин «идолослужение», однако в подзаголовке употреблён другой термин – «разность язычества»? Первый том «Истории Российской с самых древнейших времён» В.Н. Татищева вышел в свет в 1768 г. – после издания лексикона Э. Вейсмана, сам В.Н. Татищев завершил работу над предварительной редакцией в 1739 г., стилизацию её под древнерусский язык завершил в 1746 г. (обычно эту изменённую редакцию называют первой редакцией) и продолжал работу над второй редакцией до 1750 г. По сохранившимся рукописям В.Н. Татищева, отражавшим его работу над «Историей Российской», судить об использовании им термина «язычество» достаточно сложно. В «Сокращении гистории русской. Часть 2», освещающем события от времён Рюрика до 1109 г. [Добрушкин, 1971, 87–95], упоминается только поклонение «идолам», что в определённом мере подтверждает опубликованный текст, где говорится именно об «идолослужении», но не «язычестве».

Можно предположить, что поместить на полях такую уточняющую информацию мог Г.Ф. Миллер, бывший публикатором труда историка, тем более, что сам он оставил труд «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков», где религиозным верованиям посвятил специальную главу. Здесь Г.Ф. Миллер использует термин «языческий закон», те, кто его придерживаются – «язычники», их богослужение – «языческая служба» [Миллер, 1791, 42–62].

Тем не менее, несмотря на все эти факты, остаётся открытым вопрос – зачем понадобилось «изобретать» термин «язычество», помещать его в лексикон и использовать его в качестве уточнения в «Истории Российской» В.Н. Татищева? Ответить на него можно, если обратиться к зарубежным трудам, выступавшим для первых отечественных историков XVIII в. источниками информации о религиях мира.

Так, В.Н. Татищев вполне мог сам упомянуть о «язычестве», так как использовал фундаментальный труд шлезвигского историка и богослова Трогилла Арнкиэла

«Языческая религия кимвров» («Cimbrische heyden religion»): «О славянских богах Арнкиэллпространно описал, которых у пафлагонов, болгар (болгор), вандалов было немало» [Татищев, 1768, 14]. Данный труд, изданный в 1691–1703 годы, являлся одним из первых работ на немецком языке, посвящённых языческой религии германцев. Источник, однако, не получил большого распространения среди отечественных исследователей, на русский язык источник он не был переведён; список конца XVII в. хранится в Австрийской национальной библиотеке и оцифрован [Trogilius, 1691]. Примечательно, что данное сочинение включало в себя сведения по религии и мифологии самых разных народов (в том числе и славян), а также содержало выразительные гравюры – египетская и американская мумии, бог Апис, сирена, тритон, дагон, сатир, пан, кентавр, боги Один, Тор, Фрея, целые пантеоны богов [Trogilius, 1691, 68, 99, 109, 112, 146], а также другие мифологические существа и артефакты. Такое издание не могло не вдохновить российских авторов на написание трудов по собственной «языческой религии» («heyden religion»). Последняя понималась именно как исторический тип религии и стала называться по аналогии с «идолопоклонством» – «язычеством».

Интересно, что М.В. Ломоносов, напротив, подобных терминов не употребляет вовсе. В этом свете показательна его критика в адрес Г.Ф. Миллера за незнание русского языка и погрешности при передаче древних текстов: «И Российский перевод, который он по большей части по своему переправлял, исполнен несносными погрешностями, которые ясно показывают, что он не такой великий знаток Российского языка» [Ломоносов, 1950, 463].

Сам М.В. Ломоносов в «Древней российской истории» лаконично пишет о «нравах, поведеньях и верах славенских», объединяя сведения источников (Проконий Кесарийский о вендах, Повесть временных лет о восточных славянах, «северные писатели» о западных славянах) о религиозных воззрениях, обычаях, быте, образе жизни, но и не сводя их к какому-либо единому понятию [Ломоносов, 1766, 17–22]. Что касается времени княжения Владимира Святославича до принятия Русью христианства, то здесь отмечается, что этот князь «полагает начало мнимым благочестием, по древнему предков многобожию». Последнее стало у М.В. Ломоносова основным содержанием дохристианской веры – в упомянутом труде подчёркивалось, что «древнее многобожие в России» сходно с многобожием Греции и Рима, приводился ряд параллелей (полканы и центавры, волоты и гиганты, русалки и нимфы и др.). Интересно при этом, что в «Древней российской истории» один раз используется и наименование «поганьство» как своего рода первый этап княжения Владимира Святославича («Сие в поганьстве») [Ibid, 98–102], однако впоследствии этот термин был забыт.

Таким образом, для М.В. Ломоносова подобная «языческая религия» также выступает историческим типом религии, присущим для многих народов мира, однако учёный не только не упоминает термин «язычество» для определения дохристианской религии, но и не называет язычниками соответствующие группы людей, предпочитая наименования «идолопоклонники», «многобожный народ». Вероятно, «многобожие» для него – более предпочтительный вариант, нежели используемое в немецко-латино-русском лексиконе «язычество».

Тем не менее, термин «язычество» не занял абсолютно лидирующих позиций – достаточно широко у учёных XVIII – первой половины XIX вв. стало использоваться «баснословие», выступавшее калькой с греческого *mythologia*. Здесь славянское дохристианское наследие в духовной сфере сводилось к мифу.

Термин «баснословие» имеет связь с известным словом «басня», М. Фасмер видит в нём церковнославянское «баснь» («басня», «заклинание») и связывает его происхождение с индоевропейским *-ba*, делая ссылку на слово «баять» – «говорить», «рассказывать» [Фасмер, 1986, 131]. В целом выражение «еллинские басни» отражало представление о языческих верованиях как наборе нелепых мифов и сказок, встречавшихся ещё в раннехристианских апологетических текстах, однако главным источником здесь выступил Новый Завет: «Скверных же и бабьих басней отвращайся» (1 Тим. 4:7). Уже в литературе домонгольского времени слово «басня» активно употребляется в значении «сказка», «выдумка» – например, у Кирилла Туровского

«басни бают и в гусли гудуть» (из «Слова» в неделю 19-ю «Понеже убо тайна си не всеми откровена бысть и многими человеки несведома» по Златоусту постному с прибавлениями 1607 г.) [БАН. 33.10.1. Л. 301]. Более того, достаточно известным в письменности древней Руси являлось выражение «еллинские басни», которое стало употребляться для перевода соответствующего греческого варианта, его встречаем уже в кормчих – в изложении 1 правила VI Вселенского собора: «Они Феодора Мопсуетского, Несториева учителя, и Оригена, и Дидима, и Евагрия, возобновивших еллинские басни... соборно предали проклятию и отринули» [Правила святых Вселенских соборов с толкованиями, 2000, 275].

Интересно, однако, что для источников до XVI в. такой вывод вполне справедлив в отношении переводных текстов, авторы же оригинальной дидактической литературы домонгольского периода практически не употреблялось наименование «еллинские басни», вместо него мы находим риторические и подчеркнuto эмоциональные фразы: «скверная служба окаянных еллин» [ОР РНБ, ф. 351, № 4/1081. Л. 40], «идолослужение» [Ibid. Л. 54об], «бещестие» [Ibid. Л. 29об], «угода дьяволу» [Ibid. Л. 31об], «безумье» [Ibid. Л. 37], «служение кумиром суетным» [ОР РНБ, ф. 728, № 1285. Л. 87об], «лжа глаголемая бесами» [Ibid. Л. 87 об] («Слово святого Григория изобетено в тольцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали то и ныне творят», «Слово о твари и дни рекомом неделя», «Слово некоего Христолюбца по правой вере», «Слово святого Деонисия о желеющих», «Слово Исаяи пророка истолковано святым Иоанном Златоустым о ставящих вторую трапезу роду и рожаницам»).

Если мы обратимся к текстам XVI–XVII вв., то увидим, что там оно употребляется активнее – для авторов того времени «поганство» отошло в прошлое, стало пониматься в качестве суеверия, появившегося в древности, поэтому наименование «еллинские басни» и связанные с ним понятия являлись для них очень удобными. Кроме того, книжники к тому времени располагали собственными и переводными историческими произведениями, содержащими сведения из всемирной истории, включая античную мифологию. Увлечение мифами и древней философией, равно как и магией и астрологией, не миновало не только Западную Европу, но и Московское царство, что вызывало возмущение среди поборников благочестия. Так, в Стоглаве главы 41 и 92–93 направлены против явлений, обозначенных как «еллинское бесование», «еллинские хитрости», «еллинское чарование» (как в отношении народных суеверий и магии, так и увлечения соответствующей литературой) [Стоглав, 1862, 178–180, 182–192, 390–402].

Полагаем в связи с этим, что значительную роль в актуализации понятия «еллинские басни» в книжности сыграл Максим Грек. В «Слове обличительном на еллинскую прелесть» он пишет о «еллинском зломудрии и дерзноглаголании», и поучению как верном способе расправы с «велеславными богов гордостью и дерзостью», а также «волховными храмами». Здесь же он передаёт определённые факты из античных мифов о богах, отрицая их правдивость (о Зевсе, Афине-Палладе, Семелии, Фивах, Афродите, Арее)³ [Преподобный Максим Грек, 2014, 71–78].

Кроме того, в конце XVII в. активно использовал это выражение Дмитрий Ростовский в Келейном летописце: «каковая бяху тех скверных богов деяния, и каковыя от них еллинские басни» [Сочинения св. Димитрия, митрополита Ростовского, 1840, 163]. В изложении мировой истории (главы 41 и 42 – «События в пятом столетии четвёртого тысячелетия», «События в шестом столетии четвёртого тысячелетия») он достаточно подробно передаёт античные мифы о божествах – (Уране, Сатурне, Зевсе – Дие, Аполлоне, Меркурии, Юноне, Венере и других), героях и гигантах [Ibid, 162–183], черпая данные сведения из Хроники Иоанна Навклира [Волков, 2014, 58].

Наконец, слово «басни» в отношении всех идей и учений дохристианской эпохи вообще часто использовалось в церковной литературе XVIII в. Так, Паисий Величковский указывает на опасность излишним увлечением античной философией, называя её «баснями»: «слыша бо в нём часто воспоминаемых богов и богинь еллинских и басни пиетическия, возненавидих от души таковое учение» [Флоровский, 1996, 411].

В любом случае, как церковные, так и светские авторы XVIII–XIX вв. знали о выражении «еллинские басни», и оно не могло не оказать влияния на формирование термина «баснословие». Однако ссылок на древнерусские и более поздние тексты внутреннего происхождения здесь будет явно недостаточно – другим источником для данного термина выступили, как и в случае с «язычеством», труды зарубежных учёных (так же в виде словарей).

Интересным источником в этом плане является мифологический словарь немецкого лексикографа Венъямина Гедериха «Gründliches Lexicon Mythologicum», изданный в Лейпциге в 1724 г. [Hederich, 1724], ссылка на него («Германин Гедерих») встречается у В.Н. Татищева [Татищев, 1768, 15]; русский перевод был позже выполнен Михаилом Леоновым [М. Вениамина Гедериха Руководство, 1781]. В предисловии к своему труду автор отмечал, что «мифология – это своего рода искусство истории»: «Da die Mythologie eine Art der Historie ist» [Hederich, 1724]. Словарь содержит значительное количество статей, посвящённых мифологическим персонажам у разных народов мира (преимущественно древних египтян, греков, римлян).

Уже в 1725 г. выходит русский перевод «Мифологической библиотеки» Псевдо-Аполлодора – «Аполлодора грамматика афинеиского библиотеки или о богах», выполненный «типографским справщиком» Алексеем Барковым и содержащий предисловие Феофана Прокоповича, что только подтверждает интерес идеолога начала XVIII в. к «языческой» тематике. Здесь в текст вводится сюжет о том, как Пётр I полюбопытствовал у учёных людей о том, «откуда язычники производят начало суетного своего многобожия и есть ли о том некая языческая история» и, услышав о сочинении Аполлодора, приказал издать его [Барухович, 1972, 122–123]. В 1787 г. выходит перевод В.С. Подшивалова, озаглавленный как «Аполлодора Афинейского баснословие или Библиотека о богах» [Ibid, 123].

Более того, конец XVIII – начало XIX вв. вообще характеризуется достаточно активной публикацией и переводом на русский язык сочинений, посвящённых религии и мифологии у народов мира. Так, «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» включала таких изданий: 21 в разделе «История всеобщая», 6 в разделе «История Российская», 17 в разделе «История нехристианской веры» [Роспись, 1828, 70, 177, 225]. Выход подобных работ, посвящённых мифологии, вероятно, мог послужить источником вдохновения российских авторов на описание подобной «системы мифов» (как наследия истории) у славян, тем более, что в XVIII и особенно XIX в. изучение древнерусской культуры приобретает особую актуальность.

Таким образом, не без влияния зарубежных изданий по мифологии выходят и отечественные труды. Так, в 1767 г. издаётся русскоязычная версия словаря по мифологии народов мира «Краткий мифологический лексикон» М.Д. Чулкова [Чулков, 1767]. Хотя большинство статей касались античных мифов, значительное их количество было посвящено и славянским персонажам (Перун, Волос, Волоты, Дажьбог, Дидилия, Догода, Домовые, Зимцерла, Зевана, Змеи, Зничь, Золотая Баба, Световид, Купало, Коляда, Лада, Лелио, Лешие, Белбог, Чернобог, Прове, Позвизд, Радегаст, Студенец, Услад, Тур, Чур, а также народ «алане»).

Наконец, в 1768 г. выходит «Описание славенского языческого баснословия» М.И. Попова [Попов, 2010]. Издание представляет собой словарь по мифологии, подобный трудам В. Гедериха и М.Д. Чулкова, но посвящённый всецело славянским «мифам». В предисловии автор указывает, что «суеверство и многобожие» так же «пространно», как у «греков и римлян», уподобляя таким образом, как и многие другие авторы, славянскую дохристианскую религию античной (наименование «языческое баснословие» встречается у М.И. Попова только в названии). Примечательно, однако, что он один из первых исследователей отмечал отсутствие письменных источников («прилежных писателей») со стороны «представителей» таких верований у славян, что не мешало ему обратиться к другим источникам – «повествованиям внешних и домашних писателей, простонародных сказках, песнях, играх и обыкновениях». Сам словарь предполагал деление статей только в алфавитном порядке, без выделения особых групп мифологических существ, однако в любом случае этот

труд представлял собой первый опыт специальной реконструкции славянских дохристианских верований.

Традицию «мифологии» продолжил труд Г.А. Глинки, озаглавленный уже как «Древняя религия славян» [Глинка, 1804], однако под такой «религией» автор понимает «древнее славянское баснословие», которое определено в крайне общем смысле – как «произведение фантазии и мечтательности» [Ibid, 5, 8] – и описывалось по образцу и подобию высшей и низшей античной мифологии.

Схожим образом подобные славянские «мифы» предстают в «Славянской и российской мифологии» А.С. Кайсарова (1810 г.), где широко используется термин «русское баснословие» как синоним «мифологии». Вместе с этим в рамках мифов автор рассматривал широкий комплекс религиозных верований – «происхождение богов», «изображения богов», «храмы», «празднества», после которых уже «традиционным» образом шли словарные статьи о мифологических существах. Интересно также, что А.С. Кайсаров, наряду с «баснословием», активно использовал и понятие «языческий» (но не «язычество») – «языческие славяне», «языческие времена», «языческие праздники», «язычник», что определённым образом отличало его от «мифологов» – предшественников и современников [Кайсаров, 1810].

Одним из последних трудов, где широко используется термин «баснословие», является малоизвестное исследование «Об источниках и формах русского баснословия» Д.М. Щепкина (1859 г.): «русская баснь <...> оказывается единственной областью мифологическою, где <...> возможно решение мифа, общее всем языкам и всем народам» [Щепкин, 1859, XXII]. «Мифологией» исследователь называл «науку о народном баснословии», при этом определение «баснословию» он не даёт, но отмечает, что «материалом» такой науки является «баснь, дошедшая по преданию под различными формами – слова, мысли, действия» [Ibid, 1], которая фактически становится синонимом мифа, бывшего «существенной формой доисторической жизни у всех народов» [Ibid, 3]. В целом, обращаясь уже к древнерусскому и русскому материалу, исследователь видел в «народном баснословии» следующие элементы: нравы и поверья простонародья, суеверия и предрассудки прочих слоёв общества, мир древних былин, языческие поверья русского народа, а также «небывалые истины» – предания, легенды о каких-либо фактах или явлениях. Как и предшественники – «мифологи» – Д.М. Щепкин рассматривает факты религиозной жизни славян в рамках мифов, считая политеизм произошедшим именно из мифологии, предпочитая не употреблять известный к тому времени термин «язычество».

Таким образом, слово «баснословие», несмотря на близость к понятию «басня», представляло собой, как и «язычество», явление новояза, созданного в качестве описательной конструкции в науке XVIII–XIX вв. Почему он был удобен для авторов? Во-первых, в рамках отечественной науки того времени последовательно проводилась мысль о сходстве греческой, римской, славянской мифологии (славянские мифы якобы представляли такую же «систему»), поэтому «своя» мифология и стала называться на «античный» манер «баснословием». Во-вторых, первые описания славянских дохристианских верований, содержащие не развенчивание, а «излишнее» любопытство к ним, могли получить нежелательную оценку со стороны церкви, а значит и не пройти цензуру, в этом случае «баснословие» как намёк на древность и несуразность «мифов» мог спасти ситуацию⁴. Об этом подспудно писал во введении к своему труду Г.А. Глинка: «нам баснословное вероучение разыскивать, развивать и сколько можно полнее представить нет опасности: ибо сие повествование для нас не иное что как пища любопытства; и если что-либо сего важнейшее из оного можем почерпнуть, то из создания человеком себе богов, естественно по своему образу, то есть, по своему народному свойству, нравам, образу жизни, степени просвещения, и даже деятельности фантазии, сей первой произвездительницы всех во всяком роде вымыслов, лучше можем узнать умное и нравственное обличие наших родоначальников» [Глинка, 1804, 6].

Таким образом, наряду с подходом, рассматривающим преимущественно дохристианские культурные и религиозные явления славян с точки зрения «язычества» и «языческой религии», в литературу прочно входит подход «мифологический», рассматривающий эти явления под углом мифологии («баснословия»). Грань

между ними очень условная – как в русле «языческой религии», так и в русле «мифов» часто рассматривался схожий набор явлений – верования, представления, обряды. Тем не менее, впоследствии, особенно после критики мифологической школы Е.В. Аничковым, подобное разделение поставило свои вопросы – стоит ли утверждать о существовании «славянской мифологии» при отсутствии надёжных сведений об аутентичных дохристианских мифах и что вкладывать в понятие «славянского (восточнославянского) язычества» опять же при относительной узости источниковой базы?

Вместе с этим, при всей популярности трудов по мифологии в научных кругах, в середине XIX в. термин «язычество» не только не забывается, но оказывается если не ведущим, то одним из ключевых в исторических исследованиях. Этому он обязан обобщающим произведениям по истории России – автором, который фактически вновь ввёл в отечественную науку «язычество», являлся Н.М. Карамзин. В «Истории государства Российского», главе «О физическом и нравственном характере славян» он, как и А.С. Кайсаров, пишет о «языческих славянах (славянах в определённый исторический период до принятия ими христианской веры – во «времена язычества»)), однако делает этом более подробно. Примечательно, что, говоря о «нравственном облике» славян, учёный историк как положительные (храбрость, гостеприимство, добродушие – вне связи с религиозными верованиями), так и отрицательные черты (прежде всего – жестокие «варварские» обычаи – сжигание жён вместе с умершими мужьями, умерщвление родителей, детей и другие), которые как раз и связывались с «языческим» периодом в истории народа [Карамзин, 1818, 61–74].

Наряду с обычаями, «язычество», по Н.М. Карамзину, проявляется в многочисленных религиозных обрядах («обрядов язычества»), особое внимание учёный уделял «пляскам», сравнивая их с аналогичными действиями у других «языческих народов» [Ibid, 80–82]. Кроме того, он пишет и о богах – примечательно, что этот вопрос автор тесно связывал с политическими отношениями: вера в богов появляется в условиях человеческого «общезития», которое также рождает «законы и правления» [Ibid, 92]. Автор описывает самых разных славянских идолов, у каждого из которых были определённые «действия в язычестве», способы и места жертвоприношений, здесь же рассматривались занятия «жрецов», а также «языческое искусство» [Ibid, 92–120]. Кроме того, следы «язычества» (в данном случае – «древнего богопочитания») отразились в «суеверных преданиях народа русского» («языческих суевериях») – культе в народе разнообразных мифологических существ [Ibid, 105]. Вместе с этим «языческие славяне» имели и собственные праздники, связанные с их верованиями – праздники в честь собирания хлеба, в честь весны и любви, в честь мёртвых (учёный отдельно останавливался на культе мёртвых вообще и обычаях, связанных с ним) [Ibid, 116–119]. Наконец, Н.М. Карамзин подчёркивал закоренелость в «идолопоклонстве» «языческих славян» (иначе – пребывание в «заблуждениях язычества»), их отвержение «благодати Христовой», которая была разрушена только «просвещением» Владимира [Ibid, 119].

Данная схема по своей сути является классическим описанием «восточнославянского язычества» – божества и другие мифологические существа, обряды (в том числе способы и места жертвоприношения богам), жрецы, обычаи, ритуальное искусство, праздники, позднейшие народные суеверия, а также вопрос о взаимоотношениях язычества с христианством и крещение Руси. Интересно, что она не предполагала прямой и откровенной экстраполяции античной религии на славянские верования – вместо этого Н.М. Карамзин старался использовать славянский материал (главным образом, западнославянский). Заметим, что сама схема Н.М. Карамзина носила не только описательный, но и явный дидактический характер, поэтому и начинается с «нравственного облика» и сопутствующих ему обычаев.

Подобные схемы были использованы в трудах других исследователей, которые могли видоизменить их в соответствии со своими взглядами на общую историю восточных славян и Руси. Так, С.М. Соловьёв пишет о «языческих славянах», «языческого обществе», «языческой древности» и «языческой религии» (либо – нейтрально «религия восточных славян»), используя ту же дидактическую

конструкцию (от описания нравственного облика до божеств и других верований), рассматривая «язычество» в рамках теории «родового быта» – первичность родоплеменных отношений имела проникновение и в сферу религии, определяя характер и содержание «язычества» славян [Соловьёв, 1851–1879, 57–83]. Д.И. Иловайский, в свою очередь, выбрал несколько иной способ изложения материала – он не сделал отдельную главу о «нравственном облике» и «языческой религии», но рассмотрел этот вопрос в рамках правления Владимира Святославича как крестителя Руси, при этом сама схема описания мало изменилась и в понятие «язычество» было включены те же явления, что и у Н.М. Карамзина и С.М. Соловьёва [Иловайский, 1876, 65–70], а традиция обращаться к вопросу «язычества» при описании времён Владимира Святославича (впервые или повторно – в связи с его «пантеоном богов» по статье Повести временных лет 980 г.) как уже было видно выше, берёт начало ещё с «Древней Российской истории» М.В. Ломоносова. Схожим образом и М.П. Погодин передаёт ряд сведений из летописей, связанных с верованиями восточных славян, прежде всего – текстов о князе Владимире Святославиче. Несмотря на то, что сам исследователь не пытается представить широкую картину восточнославянских верований до принятия христианства, он отмечает только некоторые факты из доступных источников, и называет данную веру «славянским учением», противопоставляя последнюю «учению Христову» [Погодин, 1871, 82]. Конечно, в таком отношении к «язычеству» проще всего увидеть христианоцентричность, однако, учитывая популярность в то время конструкций, когда под верованиями восточных славян понималась «высокоразвитая» религия, подобная религии античных греков и римлян, можно предположить, что он означал отказ от подобных построений. Наконец, довольно интересным и самобытным является описание восточнославянских верований у В.О. Ключевского, который не использовал термин «язычество» (только наименование «языческих»), а вместо «религии» исходным пунктом выступила мифология, которая состояла в «двух порядках верований» – «остатки почитания видимой природы» и «культ предков» [Ключевский, 1908, 137]. Исследователь довольно критически и осторожно относился к сведениям источников, из которых можно проследить только «скудные черты мифологии» [Ibid] – так постепенно изменяется отношение к «язычеству», которое уже не мыслилось как некая единая религия. Подробно такой критический подход и был обоснован Е.В. Аничковым.

Таким образом, несмотря на свою дискуссионность, «язычество» приживается в отечественной науке, становясь объектом дальнейших концепций и построений. Вместе с этим, было бы неверно видеть в нём сугубо «наследие» библейских книг и церковной средневековой книжности, относить его только к сфере христианского богословия, определять его как своего рода конфессиональный термин – получается, что первые отечественные исследователи религии, посвятившие свои труды «язычеству», всецело находились в русле подобных средневековых «схем», воспринимая объект изучения таким, каким он был представлен в источниках. Конечно, в древнерусской книжности содержится целый ряд понятий и схем, при помощи которых авторы описывали и развенчивали явления религиозной жизни современного им общества. Тем не менее, конкретный термин «язычество», обозначающий религию наших предков до принятия ими христианства – конструкт науки XVIII–XIX вв. Мы не исключаем их опосредованного влияния и на исследователей, знакомых с церковной литературой и порицанием в ней «поганных». Другим важным источником выступили западноевропейские труды по истории религии и мифологии, где содержались термины, обозначающие дохристианские религии (прежде всего, «Языческая религия кимвров» Трогилла Арнкиэла) – под их влиянием, а также через посредство немецко-латинско-русских лексиконов в отечественной научной литературе и стал использоваться термин «язычество». Схожая история появления другого распространённого термина – «баснословие», обозначавшего совокупность мифов, через призму которых и описывались «дохристианские верования».

Несмотря на популярность «мифологической» школы до самого конца XIX в., термин «язычество» стал опять актуальным благодаря обобщающим трудам по истории России – Н.М. Карамзин и ряд других авторов подчёркивали наличие «языческого прошлого», а также «языческой религии» с присущими ей характерными чертами.

25. Ломоносов, М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года / М.В. Ломоносов. – СПб.: Императорская Академия наук, 1766. – 140с.
26. Ломоносов, М.В. Избранные философские произведения / М.В. Ломоносов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. – 759 с.
27. М. Вениамина Гедериха Руководство к мифологии. – М., Университетская типография, 1781. – 63 с.
28. Мансикка, В.Й. Религия восточных славян / В.Й. Мансикка. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 368 с.
29. Миллер, Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чувашей и вотяков / Г.Ф. Миллер. – СПб.: Императорская Академия наук, 1791. – 130 с.
30. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 304. Оп. 1. № 9. Л. 142об.
31. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 351. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря. № 4/1081. Л. 21–68.
32. ОР РНБ. Библиотека Софийского Новгородского собора. Ф. 728. № 1262. Л. 86–88.
33. ОР РНБ. Библиотека Новгородского Софийского собора. Ф. 728. № 1285. Л. 33об, 84об–91, 95об–100.
34. Погодин, М.П. Древняя русская история до монгольского ига / М.П. Погодин. – М.: Синодальная типография, 1871. – Т. 1. – 401 с.
35. Полное собрание русских летописей. – Л.: Академия наук СССР, 1926–1928. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. – 540 с.
36. Попов, М.И. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями / М.И. Попов. – [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2010. – 80 с.
37. Правила святых Вселенских соборов с толкованиями. – М., Паломник – Сибирская благозвонница, 2000. – Репринт М.: Московское общество любителей духовного просвещения, 1877. – 736 с.
38. Преподобный Максим Грек. Сочинения. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – Т. 2. – 432 с.
39. Прокопович Феофан. Собрание сочинений. – М.–Л.: Академия наук СССР, 1961. – 503 с.
40. Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. – СПб.: Типография Александра Смирдина, 1828. – 821 с.
41. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1994. – 608 с.
42. Салмин, А.К. Термин folk religion и его русский эквивалент / А.К. Салмин // Религиоведение. – 2008. – № 1. – С. 93–98.
43. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. – СПб.: Типография Морского министерства, 1862. – 482 с.
44. Севастьянов, И.А. Происхождение термина «язычество»: к постановке проблемы / И.А. Севастьянов // Вестник Омского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 65–71.
45. Соловьёв, С.М. История Российская с древнейших времён / С.М. Соловьёв. – СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851–1879. – Кн. 1. – Т. I. – V. – 1726 с.
46. Сочинения св. Димитрия, митрополита Ростовского. – М., Синодальная типография, 1840. – Т. 4. – 718 с.
47. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. – СПб.: Издательство Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1902. – Т. 2. – 922 с.
48. Стоглав. – Казань: Типография губернского правления, 1862. – 438 с.
49. Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времён / В.Н. Татищев. – М.: Императорский Московский университет, 1768. – Кн. 1. – Ч. 1. – 262 с.
50. Токарев, С.А. Ранние формы религии / С.А. Токарев. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
51. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.
52. Флоровский, Г., прот. Петербургский переворот / Г. Флоровский, прот. // Из истории русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т. 4 (XVIII – начало XIX века). – С. 349–425.
53. Чулков, М.Д. Краткий мифологический лексикон / М.Д. Чулков. – СПб., 1767. – VIII. – 125 с.
54. Щепкин, А.С. Об источниках и формах русского баснословия / А.С. Щепкин. – М.: Типография Грачёва и к., 1859. – XX. – 135 с.
55. Arnkiel Trogillius. Cimbrische Heyden Religion: was unsere Vorfahren Cimbrischer Nation die Sachsen, Gothen, Wenden und Fresen ... für Götter, Opffer, Götzendienst... gehabt. Hamburg: Thomas von Wiering, 1691 [Электронный ресурс]. – URL: http://digital.onb.ac.at/OnbViewer/viewer.faces?doc=ABO_%2BZ203431005 (дата обращения 05.04.2019).

56. Cox, J.L. From Primitive to Indigenous: The Academic Study of Indigenous Religions / J.L. Cox. – Aldershot: Ashgate, 2007. – 194 p.
57. Hederich, B. Gründliches Lexicon Mythologicum [Электронный ресурс] / B. Hederich. – Leipzig: Gleditsch, 1724. – URL: https://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10254378_00001.html (дата обращения 05.04.2019).
58. Hinnells, J.R. The Routledge companion to the study of religion / J.R. Hinnells. – Routledge, 2005. – 556 p.
59. Donaldson, T.L. Gentiles [Электронный ресурс] / T.L. Donaldson // Oxford Bibliographies. – URL: <http://www.oxfordbibliographies.com/abstract/document/obo-9780195393361/obo-9780195393361-0252.xml> (дата обращения 05.04.2019).

Текст поступил в редакцию 07.04.2019.

¹ Латинское «gentile» происходит от «gentilis» – «племя», «народ», этим словом в латинской Библии переводилось еврейское «гои» – «неевреи», которые стали ассоциироваться с язычниками: Terrence L. Donaldson. Gentiles // Oxford Bibliographies [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxfordbibliographies.com/abstract/document/obo-9780195393361/obo-9780195393361-0252.xml?rskey=aclaUX&result=1&q=gentile#firstMatch> (дата обращения 05.04.2019). Получившийся ряд слов выглядел своеобразно, так как содержал слова, обозначавшие как религиозные явления, так и совокупности этнического плана.

² Здесь можно выделить два исключения. Первое – утверждение в тексте, что «законы иудеев во время Христова хотя весьма порочны и гнусны, но всё же значительно языческих лучше и ближе к правильным были», а также ссылка на главы 5 и 6 из Евангелия от Матфея, где говорится о «языческих» добродетелях и молитвах. Однако данные строки содержат архаичное восприятие «язычников» как определённой группы, но не язычества как явления. Так, в Геннадьевской Библии читаем: «Не на язычны ли тако же творять... Молящежеся, не лише глаголите, яко же язычници... Всех бо их языци ищюут». Интересно, что в синодальном переводе Библии в этих главах упоминаются именно язычники: «Не так же ли поступают язычники? А молясь, не говорите лишнего, как язычники... Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом. (Мф. 6:7, 32): Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. М., Издательский отдел Московского Патриархата, Музей Библии, 1992. Т. 7. Евангелия. С. 26, 28–29.

³ «Обличение язычества» для книжности XVI–XVII вв. – достаточно широкое понятие, включающее не только борьбу против народных суеверий, но и развенчивание астрологии и магии (нашедшей отклик среди всех слоёв населения, а также вопрос об отношении к античной философии. В Византии незадолго до падения империи античность было очень популярна, разгоралась борьба последователей идей Платона и Аристотеля, ряд мыслителей, такие как Плифон, были близки к «языческим» идеям. Увлечение подобными идеями в европейских государствах и в Московском царстве не могло не найти отражение в сочинениях Максима Грека: Иконников В.С. Максим Грек и его время. Историческое исследование. Киев, Императорский университет св. Владимира, 1915. С. 188–260.

⁴ См., напр., в Цензурном Уставе 1804 г.: «Цензурный Комитет и каждый цензор в особенности, при рассматривании книг и сочинений наблюдает, чтобы ничего не было в оных противного закону Божию, Правлению, нравственности и личной чести какого-либо гражданина» (п.15): Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., Типография Морского министерства, 1862. С. 88. В Уставе 1826 г. читаем: «Запрещению подлежат <...> сочинения магические, астрологические и каббалистические и сим подобные, служащие к распространению заблуждения и суеверия» (§§ 145–146): Ibid. С. 165. «Правила для руководства цензоров» этого Устава начинаются с запрета сочинений, каким-либо образом подвергающих сомнению истинность православия (§§159–164), при рассмотрении исторических произведений прежде всего обращалось внимание на их нравственную и политическую цель (§177): Ibid. С. 168–169, 172–173.

References

1. Adelung I.K. *Polnyi nemetsko-rossiiskii leksikon: Iz bolshogo gramatikalno-kriticheskogo Slovaria gospodina Adelunga sostavlennyi s prisovokupleniem vseh dlia sovershennogo poznaniia nemetskogo iazyka nuzhnykh slovoizrechenii i obiasnenii; izdano Obshchestvom Uchenykh liudei* [The Full German-Russian Lexicon: from the Great Grammar-Critical Vocabulary of Mr. Adelung Composed with Addition of All Necessary Expressions and Explanations Required for the German Language Learning, Published by The Society of Scholars]. St. Petersburg: Imperatorskaya tipografiya u Ivana Veitbrekhtha Publ., 1798, 1048 p. (in Russian).
2. *Akty, odnosiaschiesia k istorii Zapadnoi Rossii: 1340–1506* [Acts for West Russia History: 1340–1506]. St. Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii Publ., 1846. vol. 1, 417 p. (in Russian).
3. Anichkov E.V. *Iazychestvo i Drevniaia Rus* [Paganism and Old Russia]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2009, 538 p. (in Russian).
4. Bernshtam T.A. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography]. 1989, no. 1, pp. 91–100 (in Russian).

5. *Biblioteka Akademii nauk* [Library of the Russian Academy of Sciences]. File 33.10.1, fol. 301 (in Russian).
6. *Bibliia 1499 goda i Bibliia v sinodalnom perevode* [The Bible of 1499 and the Bible in Synodal Translation]. Moscow: Izdatelskii otdel Moskovskogo Patriarkhata, Muzei Biblii Publ., 1992, vol. 7, 400 p. (in Russian).
7. Borukhovich V.G. *Appolodor. Mifologicheskaiia biblioteka* [Appolodor. Mythological Library]. Leningrad: Nauka Publ., 1972, pp. 199–123 (in Russian).
8. Veisman E. *Nemetsko-latinskii i russkii leksikon kupno s pervymi nachalami russkogo iazyka k obshchei polze* [German-Latin and Russian Lexicon with Addition of the Basics of the Russian Language for the Common Good]. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey Publ., 1731, 48 p. (in Russian).
9. Volkov A.V. *Vestnik PSTGU. Filologiiia* [Herald of PSTGU. Philology Series]. 2014, no. 3, pp. 51–68 (in Russian).
10. *Galitsko-Volynskaia letopis* [The Galician-Volhynian Chronicle]. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2005, 424 p. (in Russian).
11. Gegel G.W.F. *Filosofia religii* [Philosophy of Religion]. Moscow: Mysl' Publ., 1977, vol. 2, 573 p. (in Russian).
12. *Gosudarstvennyi istoricheskii muzei* [State Historical Museum]. Fund Chud. File 270, fol. 221 (in Russian).
13. Glinka G.A. *Drevniaia religiiia slavian* [Ancient Religion of Slavs]. Mitava: Tipografiia Shtefengagena i syna Publ., 1804, 150 p. (in Russian).
14. Dobrushkin E.M. *Sovetskie arkhivy* [Soviet Archives]. 1971, no. 5, pp. 87–95 (in Russian).
15. *Drevnie akty, otnosiashchiesia k istorii Viatskogo kraia* [Ancient Acts for the History of Viatsky Region]. Viatka: Tipografiia Gubernskogo pravleniia Publ., 1881, 270 p. (in Russian).
16. Zabiako A.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2005, no. 4, pp. 105–115 (in Russian).
17. Ivanov V.V., Toporov V.N. *Slavianskie iazykovye modeliruiushchie semioticheskie sistemy (drevnii period)* [Slavic Linguistic Modeling Semiotic Systems (Ancient Time)]. Moscow: Nauka Publ., 1965, 246 p. (in Russian).
18. Ivanov V.V. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Selected Works on Semiotics and the History of Culture]. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur Publ., 2007, vol. 4, p. 395–405 (in Russian).
19. Ikonnikov V.S. *Maksim Grek i ego vremia. Istoricheskoe issledovanie* [Maximus the Greek and His Times. Historical Investigation]. Kiev: Imperatorskii universitet sv. Vladimira Publ., 1915, 641 p. (in Russian).
20. Ilovaitskii D.M. *Istoriia Rossii* [History of Russia]. Moscow: Tipografiia Gracheva i K. Publ., 1876, part 1, 333 p. (in Russian).
21. *Istoricheskie sviazi narodov SSSR i Rumynii v XV–nachale XVIII vv. Dokumenty i materialy* [Historical Contacts of Peoples of USSR and Romania in the 15th – 18th Centuries. Documents and Materials]. Moscow: Nauka Publ., 1965, vol. 1, 1408–1632, 364 p. (in Russian).
22. Kaisarov A.S. *Slavianskaia i rossiiskaia mifologiia* [Slavic and Russian Mythology]. Moscow: Tipografiia Dubrovina i Merzliakova Publ., 1810, 225 p. (in Russian).
23. Karamzin N.M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State]. St. Petersburg: Tipografiia N. Grecha Publ., 1818, vol. 1, 492 p. (in Russian).
24. Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoi istorii* [Course of Russian History]. Moscow, 1908, vol. 1, 464 p. (in Russian).
25. Lomonosov M.V. *Drevniaia Rossiiskaia istoriia ot nachala rossiiskogo naroda do konchiny velikogo kniazia Iaroslava Pervogo ili do 1054 goda* [Ancient Russian History from the Beginning of the Russian People to the Death of the Great Prince Yaroslav the First or to 1054]. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk publ., 1766, 140 p. (in Russian).
26. Lomonosov M.V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniia* [The Collection of Philosophical Works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1950, 759 p. (in Russian).
27. M. Veniamina *Gederikha Rukovodstvo k mifologii* [The Guide to Mythology by M. Veniamin Gederikh]. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1781, 63 p. (in Russian).
28. Mansikka V.I. *Religiia vostochnykh slavian* [Religion of the Eastern Slavs]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2005, 368 p. (in Russian).
29. Miller G.F. *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoi gubernii iazycheskikh narodov, iako to cheremis, chuvashai i votiakov* [The Description of the Pagan Peoples in Kazan Province such as the Cheremis, the Chuvash, the Votyaks]. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1791, 130 p. (in Russian).
30. *Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (NIOR RGB)* [Scientific Department of Manuscripts of Russian State Library (DM RSL)]. Fund 304. Inventory 1. File 9. Fol. 142r (in Russian).
31. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsionalnoi biblioteki (OR RNB)* [Department of Manuscripts of Russian National Library (DM RNL)]. Fund 351. File 4/1081. Fols. 21–68 (in Russian).
32. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsionalnoi biblioteki (OR RNB)* [Department of Manuscripts of Russian National Library (DM RNL)]. Fund 728. File. 1262. Fols. 86–88 (in Russian).
33. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsionalnoi biblioteki (OR RNB)* [Department of Manuscripts of Russian National Library (DM RNL)]. Fund 728. File 1285, fols. 33r, 84r–91, 95r–100 (in Russian).
34. Pogodin M.P. *Drevniaia russkaia istoriia do mongolskogo iga* [Ancient Russian History to the Mongol Invasion]. Moscow: Sinodalnaia tipografiia Publ., 1871, vol. 1, 401 p. (in Russian).
35. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The Full Collection of Russian Chronicles]. Leningrad: Akademiia nauk SSSR Publ., 1926–1928, vol. 1, 540 p. (in Russian).

36. Popov M.I. *Opisanie drevniago slavenskago iazycheskago basnosloviia, sobrannago iz raznykh pisatelei, i snabdennago primechaniiami* [The Description of the Ancient Slavic Mythology Collected from Different Writers and Provided with Notices]. Salamandra P.V.V. Publ., 2010, 80 p. (in Russian).
37. *Pravila sviatykh Vselenskikh soborov s tolkovaniiami* [The Rules of the Saint Ecumenical Councils with Interpretations]. Moscow: Palomnik – Sibirskaia blagozvonnitsa Publ., 2000, 736 p. (in Russian).
38. *Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniia* [Reverend Maximus the Greek. The Collection of Works]. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2014, vol. 2, 432 p. (in Russian).
39. *Prokopovich Feofan. Sobranie sochinenii* [Prokopovich Feofan. The Collection of Works]. Moscow-Leningrad: Akademiia nauk SSSR Publ., 1961, 503 p. (in Russian).
40. *Rospodobnyi knigam dlia chteniia iz biblioteki Aleksandra Smirdina* [The Inventory of the Russian Books for Reading from the Library of Alexander Smirdin]. St. Petersburg: Tipografiia Aleksandra Smirdina Publ., 1828, 821 p. (in Russian).
41. Rybakov B.A. *Iazychestvo drevnikh slavian* [The Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow: Nauka Publ., 1994, 608 p. (in Russian).
42. Salmin A.K. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2008, no. 1, pp. 93–98 (in Russian).
43. *Sbornik postanovlenii i rasporiashchenii po tsenzure s 1720 po 1862 god* [The Collection of Directives and Orders on Censorship from 1720 to 1862]. St. Petersburg: Tipografiia Morskogo ministerstva Publ., 1862, 482 p. (in Russian).
44. Sevastianov I.A. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Herald of Omsk State University]. 2008, no. 4, pp. 65–71 (in Russian).
45. Solov'ev S.M. *Istoriia Rossiiskaia s drevneishikh vremen* [The History of Russia from Ancient Times]. St. Petersburg: Tovariishchestvo 'Obshchestvennaia polza' Publ., 1851–1879, book 1, vols. I–V, 1726 p. (in Russian).
46. *Sochineniia sv. Dimitriia, mitropolita Rostovskogo* [The Works of Saint Dmitriy, the Metropolitan of Rostov]. Moscow: Sinodalnaia tipografiia Publ., 1840, vol. 4, 718 p. (in Russian).
47. Sreznevskii I.I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pismennym pamiatnikam* [Materials for the Vocabulary of the Old Russian Language on Written Sources]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1902, vol. 2, 922 p. (in Russian).
48. *Stoglav* [The Book of One Hundred Chapters]. Kazan: Tipografiia gubernskogo pravleniia Publ., 1862, 438 p. (in Russian).
49. Tatishchev V.N. *Istoriia Rossiiskaia s samykh drevneishikh vremen* [The Russian History from the Very Ancient Times]. Moscow: Imperatorskii Moskovskii universitet Publ., 1768, book 1, part 1, 262 p. (in Russian).
50. Tokarev S.A. *Rannie formy religii* [Early Forms of Religion]. Moscow: Politizdat publ., 1990, 622 p. (in Russian).
51. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo iazyka* [Etymologic Vocabulary of the Russian Language]. Moscow: Progress Publ., 1986, vol. 1, 576 p. (in Russian).
52. Florovsky G., prot. *Iz istorii russkoi kultury* [From the History of Russian Culture]. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kultury" Publ., 1996, vol. 4, pp. 349–425 (in Russian).
53. Chulkov M.D. *Kratkii mifologicheskii leksikon* [The Brief Mythological Lexicon]. St. Petersburg, 1767, VIII, 125 p. (in Russian).
54. Shchepkin A.S. *Ob istochnikakh i formakh russkogo basnosloviia* [About the Sources and Forms of Russian Mythology]. Moscow: Tipografiia Gracheva i k. Publ., 1859, XX, 135 p. (in Russian).
55. Trogilius Arnkiel. *Cimbrische Heyden Religion: was unsere Vorfahren Cimbrischer Nation die Sachsen, Gothen, Wenden und Fresen ... für Götter, Opffer, Götzendienst... gehabt*. Hamburg: Thomas von Wiering, 1691. Available at: http://digital.onb.ac.at/OnbViewer/viewer.faces?doc=ABO_%2BZ203431005 (accessed on April 5, 2019) (in German).
56. Cox J.L. *From Primitive to Indigenous: The Academic Study of Indigenous Religions*. Aldershot: Ashgate, 2007, 194 p. (in English).
57. Hederich B. *Gründliches Lexicon Mythologicum*. Leipzig: Gleditsch, 1724. Available at: https://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10254378_00001.html (accessed on April 5, 2019) (in German).
58. Hinnells J.R. *The Routledge companion to the study of religion*. Routledge, 2005, 556 p. (in English).
59. Terrence L. *Oxford Bibliographies*. Available at: <http://www.oxfordbibliographies.com/abstract/document/obo-9780195393361/obo-9780195393361-0252.xml> (accessed on April 5, 2019) (in English).

Submitted for publication on April 7, 2019.